**“ANNA KARENINA” BY LEON TOLSTOY AND “DOCTOR ZHIVAGO” BY BORIS PASTERNAK
AS LITERATURE SOURCES FOR ANTON LUNCHENKO’S MUSICAL COMPOSITIONS**

Исследование выполнено при поддержке Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Abstract. The paper reviews historical, social and political context of appearance of masterpieces of Russian and world literature: Leon Tolstoy’s novel “*Anna Karenina*” (1873–1877) and Boris Pasternak’s novel “*Doctor Zhivago*” (1945–1955); these writings were taken as a basis for historical musical drama in 15 episodes “*Doctor Zhivago*” (op. 71; 2010) and for dramatic poem for grand orchestra “*Anna Karenina*” (op. 74; 2010) by Anton Lubchenko (1985), a Russian composer and conductor. The author of the article notes ideological and artistic, subject and aesthetic closeness between novels one of which was written more than 50 years later than the second. The paper says facts from writers’ biographies that got artistic understanding in their literature texts, gives several cases of contemporary readers’ comments about philosophical and artistic qualities of writings. Also, the author hypothesizes a reason why Anton Lubchenko chose plot constructions of Russian classic literature texts mentioned above as a basis for his composer’s intention.

Keywords: Leon Tolstoy, “*Anna Karenina*” (a novel), Boris Pasternak, “*Doctor Zhivago*” (a novel), Anton Lubchenko (composer), “*Anna Karenina*” (dramatic poem for grand orchestra), “*Doctor Zhivago*” (historical musical drama in 15 episodes), real-life inspirations for fictional characters, dramaturgy, grand forms of instrumental orchestral music.

УДК 801.81:821=512.141“1900/1920-е”

DOI: 10.32340/2414-9101-2019-4-39-46

Н. А. Хубитдинова, доктор филологических наук
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия)
narkas08@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРА КАК «КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ»
В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА
В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» ПОКОЛЕНИЙ¹**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-412-020008
«Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект
(эпосы “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Заятуляк и Хыухылу”))»*

Аннотация. Изложены результаты анализа характерных особенностей развития башкирской художественной литературы первой четверти XX в., активно воспринявшей влияние национального башкирского и – шире – тюркского фольклора. Представлен обзор комплекса факторов, обусловивших рост интереса башкирских литераторов к персонифицированной, сюжетным конструкциям и образам эпических и лиро-эпических жанров народной башкирской поэзии и прозы (сказаний, преданий, легенд, баитов, песен и пр.) в условиях революции и гражданской войны. В контексте рассматриваемой темы автор характеризует феномен диалога поколений одного этноса, руководствующихся несхожими мировоззренческими идеалами и оперирующих различными культурными смыслами. Отмечается, что башкирские писатели, освоившие фольклорной пласт этнического литературного творчества, становились носителями национального духовного наследия и приобретали мастерство сэзнов – башкирских певцов-импровизаторов; их произведения заучивались наизусть потомками, переходили в устную форму бытования.

¹ Начало. Окончание: «Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)». 2019. № 4. Загл.: Репрезентация фольклора как «культурной памяти» в башкирской литературе начала XX века в «диалоге культур» поколений.

Ключевые слова: башкиры, башкирский фольклор, башкирская литература, фольклорные мотивы в башкирской литературе, национальная литература в революционной России, культурная память народа, интертекстуальность, кубаир, самобытность национальной литературы, диалог поколений, диалог культур, литературное освоение фольклора.

В творчестве Шайхзады Бабича (1895–1919) «отразилась нравственная жизнь башкир в этот период», слышится критика и обличение «социальной действительности России», «официальной морали», призывы к «бескомпромиссной борьбе» с угнетателями и т. д. [4, с. 158, 159]. Если башкирский народный просветитель, поэт и сказитель-сэсэн Мифтахитдин Акмулла (1831–1895) в своих стихотворениях путем назиданий утверждал важность просвещения и света, то Ш. Бабич «своими пламенными поэтическими призывами и посланиями звал свою нацию к борьбе» [3, с. 429].

Говоря о фольклорности творчества Ш. Бабича нельзя не сказать и о применении поэтом традиционных метафор и эпитетов из народных песен. Они формируются в единую стилистическую формулу, например, в формулу красоты, когда поэт восхищается образом красивой девушки. Ш. Бабич в данном случае обращается к стилистическим оборотам, накопленным народной традицией в области песенного творчества: тонкие брови, чернота волос, глаз, жемчужины зубов и т. д., формируя, таким образом, «диалог культур», преемственность художественной мысли, художественного образа.

...Ты черноброва, величав твой стан,
Ты словно птица – сказочные перья.
Свиданья наши, милая, с тобой –
Как будто сон: и верю и не верю.
(«Пустил егет стрелу»)

или

...Лик любимой светел, словно солнце,
Очи голубые, как волна.
Улыбнется нежно – жемчуга сверкают,
Медом сладкогласым речь полна [15, т. 12, с. 211, 216].
(«Любовь егета»)

Так поется в башкирских народных песнях. У Ш. Бабича, как было сказано, также можно проследить эти поэтические интертексты:

Һызылып төшкән нәзек тылсым кашка
Ай нурзары яуып һырышкан,
Әллә ынйы, якут, әллә башка...
Тезелеп төшкән тештәр бер иштән.
(«Минең фәрештәм»)

На струящую тонкую чудную бровь
Пролился(я) месяца лучи.
То ли жемчуг, то ли яхонт иль другое
Выстроились стройные зубы в ряд*...
(«Ангел мой», 1917)

Цитирования традиционных формул народной песни, по мнению А. М. Сулейманова, преподносятся поэтом в тесном естественном переплетении, в неразрывной связи с «авторской речью», что способствует выполнению идейно-эстетической функции стихотворения [16, с. 146]. Ш. Бабич использует в своем творчестве народные пословицы и поговорки, пословичные стилистические элементы, которые, хоть и позаимствованы из фольклора, но, как и другие традиционные художественные элементы, воспринимаются в тесном контакте, связи с авторским словом, становясь его неразрывной частью. Возможно поэтому его стихотворения, публицистические записи, очерки были и по духу, и по смыслу близки народу, воспринимались как свое родное и личное. Это вполне можно отнести к статьям «10-летний праздник медресе «Галия» («Кармак», 1916), «Разные известия», «Письмо» (1916), стихотворению «И в помине нет старый сэкмэн» («Истә лә юк иске сэкмэн») и т. д. В стихотворении «Советы» (1915) («Кәңәштәр») поэт искусно использует народные афоризмы, а в таких произведениях, как «Заклинание дождя» (1910) («Ямғыр теләге»), «Сабантуй и национальные праздники» (1912) («Һабантуй һәм милли байрамдар»), «Грачиная каша» (1912) («Карға буткаһы») поэтизирует обрядовый фольклор,

* Подстрочный перевод наш. – Н. Х.

благодаря чему сумел достичь особенного эффекта в восприятии текстов, что позволило ему решить важные идейно-художественные, эстетические задачи. Художественное воспроизведение традиционных стилистических фигур фольклора – как элементов «культурной памяти» народа усилило национальный дух его произведений, придало им национальную самобытность и своеобразие, формируя преемственность духовных культурных ценностей поколений.

Ш. Бабич писал для народа, о народе и на народном родном башкирском языке. «Если, с одной стороны, творчество Бабича вдохновлялось традициями татарской демократической литературы, с другой – его поэтика вобрала в себя тысячелетние традиции башкирской устной и письменной поэзии» [4, с. 62]. Так, он с восхищением писал о народных обрядах и обычаях, праздниках в своем стихотворении «Сабантуй и народные праздники»:

...У каждого аула есть майдан для скачек –

Пусть живут национальные праздники нашего народа!

Он не только восхищался башкирскими народными песнями, легендами и преданиями, эпосом и кубаиром, обрядами и обычаями, но и сам поступал как фольклорист, записывал и систематически изучал услышанные от башкир, казахов произведения устно-поэтического народного творчества. Интерес к народному творчеству у поэта был стабильным, фольклорную работу он осуществлял порой в очень непростых условиях. Исследователь творчества Ш. Бабича, Р. Т. Бикбаев писал, что «даже во время гражданской войны в башкирских аулах Южного Урала он не прекращал эту работу» [4, с. 62]. Именно его увлечения народным творчеством, а также наличие у него самого таланта певца позволили А. М. Сулейманову прийти к выводу, что поэт не только использовал элементы фольклора в своем творчестве, но и сам, поддерживая традиции былых сэсэнов (Кубагуш, Карас, Габит, Баик, Салават и другие), выступал как сэсэн – певец-импровизатор. Эти особенности творчества поэта усматриваются, например, в стихотворениях «Герой Амир Карамышев» («Каһарман Әмир Карамышев»), «Башкортостан», «Салават-батыр» (1917–1918), которые по стилю, теме и по форме написаны в жанре кубаира – семисложного поэтического эпического произведения. Стихотворение «Салават-батыр» хоть и предлагается автором исполнять на мотив народной песни «Салават» («Салауат нисә йәшендә? Йәшел камсат бүрке башында...»), все же по своим внешним и внутренним особенностям подчинено законам устно-поэтического жанра кубаира (таким как «Идель-йорт», «Мурадын и Бухкын» и др.) [16, с. 81–84]. В целом, в некоторых своих стихотворениях – кубаирах Ш. Бабич выступает как мастер слова, находчивый и мудрый сэсэн, как связующее звено между национальной культурой прошлого и поэтическим творчеством настоящего.

Позже, в период Великой Отечественной войны, М. Бурангулов, М. Карим, Р. Нигмати, Дж. Киекбаев, народные сэсэны-ветераны С. Муллабаев, М. Якупов продолжили традицию обращения к жанру кубаир. В 90-х гг. XX века этот жанр вновь обретает актуальность и жизнеутверждающую силу. Стихотворения Равиля Бикбаева, Кадима Аралбаева, Абдулхака Игебаева, Буранбая Искужина, Мавлита Ямалетдинова, Хасана Назарова, Тамары Ганиевой, Розалии Султангареевой, Ханифы Абубакировой, Васили Садыковой и многих других служат тому примером. Подобные мастера слова, используя в своем творчестве возможности, накопленные народной традицией способствуют сохранению духовного культурного наследия Башкортостана.

Продолжателем традиции сэсэнов, свойственной творчеству Ш. Бабича, можно назвать и Шафика Аминева-Тамьяни (1858–1936). Как утверждает Г. Б. Хусаинов, поэт не издавал свои стихотворения и кубаиры, а лишь, систематизировав, записывал их в тетради. Многие из них, конечно, в силу различных жизненных обстоятельств, были утрачены, однако некоторая их часть все же сохранилась, дошла до наших дней как в устной форме (кто-то по памяти рассказывал его стихи), так и в письменной (кто-то сохранил его тетради и т. д.).

Творчество Ш. Аминева-Тамьяни также изобилует фольклорными традициями. Простота слога его стихотворений и кубаиров, обилие элементов народной поэзии позволяли легко заучивать их, распространяться в устной форме, вызвав их фольклоризацию. Самыми крупными и известными произведениями поэта – циклы «Человеческая жизнь» («Кеше ғүмере») и «Урал» («Урал») стали народным достоянием.

Циклы открываются посвящением, которые вызывают реминисценцию на народную традицию оставления записи на память – ядкар, имеют форму *тулгау сэсэнов* – певцов-импровизаторов (например, «Әйт тиһәгез, әйтәйем», «Һеҙ тыңлағыҙ, йәмәғәт, ололарҙан аманат» и т. д.), а также дают

отсылку на древние письменные памятники, в которых также указывалось имя автора, давалась информация о месте и времени написания и т. д. (например, «Кисса-и Йусуф» Кул Гали или «Тарих-наме-и булгар» Т. Ялсыгула и другие). Так, цикл «Человеческая жизнь» продолжает «традиции восточной поэзии и башкирского народного поэтического творчества, творчества таких сказителей, как Ерэнсэ-сэсэн, Давлекан и других» [3, с. 462].

Во введении-посвящении автор указывает на идейно-эстетическое, идейно-тематическое своеобразие своего произведения, важность освещаемой темы и т. д. Это же поэтическое своеобразие в тесном переплетении с традициями устно-поэтического народного творчества, можно увидеть и в цикле «Урал». В нем, в частности, наблюдаются традиции народной песни «Урал», ставшей народным гимном:

...Урал, Урал, как не любить тебя,
Когда ты весь – мелодия любви.
Прекрасней рая края твои,
Прекрасней пери девушки твои.

или

...Сияет камень, хей, на Урал-тау,
То камень-злато, камень-серебро.
Егет и конь испытанный его
Прошли немало жизненных дорог [15, т. 12, с. 35, 37].

Стихотворение Ш. Аминева-Тамъяни вызывает устойчивую аллюзию, имеет поэтическую, содержательную общность с народной песней:

...Ты, словно, райский сад, Урал, не сравнить тебя ни с чем,
Все башкиры здесь кочуют, где такой простор еще.
Посмотри, каких лишь ягод нет в лесах родной земли,
Серебра и злата много – клад природы, лишь копни...
Таково благоуханья от цветов прекрасных здесь,
Слаб язык, передать это, вряд ли где такое есть [3, т. 1, с. 462, 463].

Возрождение, сохранение и художественное освоение культурной памяти народа осуществляется в литературе, например, когда в новейшей художественной словесности обнаруживаются аллюзии на образцы древних литературных памятников. Одним из таких древних произведений является немеркнущая поэма средневекового болгарского поэта Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе», 1212). Поэма о Юсуфе Прекрасном является общим духовным наследием для тюркских народов, для башкир, в частности. Кочующий сюжет о Йусуфе и Зулейхе, имеющий ветхозаветные и коранические корни, был востребован и актуален во все времена, вдохновляя к творчеству многих мастеров слова Востока, Запада: Фирдоуси, Дурбека, Ансари, Кул Гали, Ямиде, Шота Руставели, Хамза, Томаса Манна, Яна Райниста, Назыма Хикмета, которые создавали собственные интерпретации этого сюжета.

В средневековой поэме Кул Гали «Кисса-и Йусуф», наряду со многими интересными сюжетами и мотивами, также присутствует эпизод посещения героем могилы матери. В идейно-художественном смысле этот эпизод можно обозначить не как сюжетообразующий мотив, а как мотив, репрезентирующий психолого-эмоциональное состояние героя. В этом смысле, верно, отмечает Н. Ш. Хисамов, что с художественной точки зрения, «душераздирающий» плач героя «отражает глубину трагичности его положения, а в голосе из могилы улавливается образ заботливой сердечной матери» и т. д. [17, с. 114].

С точки зрения культурных универсалий герменевтической основой произведения является религиозное представление о вере в силу ангела-хранителя в виде посредника между живыми и самим Всевышним. В поэме этим «ангелом-хранителем» является умершая мать, могилу которой Йусуф и посетил. Йусуф, говоря «...О, если б Бог послал мне помощь и совет! О, как надеюсь, я на Господа теперь», несомненно, уповает на помощь матери, которая «передаст» его мольбу самому Всевышнему. Мольбы несчастного были услышаны матерью, которая опечалилась данным положением сына, выражала свое беспокойство о нем и его брате Ибне-Йамине:

«...И брат твой Ибн-Йамин не вместе ли с тобой?
И за какой ты грех в такой беде теперь?»
Затем, вняв многострадальным мольбам сына, Рахиль обращается к Богу со словами:
«...Известна, о, творец, тебе моя нужда,
Всех страждущих от мук спасаешь ты всегда.

Мой сын – в руках у тех, чья воля к злу тверда,
Ты милостив, – спаси его от зла теперь!» [18, с. 73].

Молениям Рахиль, как говорится в поэме:
«Внял Всевышний в тот же час,
Сбылись ее мольбы, чтоб Бог Йусуфа спас...» [18, с. 73].

Так, посещение могилы матери, согласно религиозным мистическим верованиям, помогло герою найти путь к спасению от страданий и унижений (другими словами, как и в эпосе Всевышний внял его мольбам и помог ему в трудный час). Этот мотив «посещения могилы матери» из поэмы Кул Гали нашел художественное применение в башкирской литературе в более поздний период, в частности, в поэзии начала XX века: в стихах Г. Худояра (1891–1966) «На могиле (у могилы матери)», Я. Юмаева (1892–?) «У могилы матери», Б. Мирзанова (1892–1941) «У могилы матери» [19, с. 138–142].

В новой башкирской литературе начала XX века наблюдаются поиски поэтами своего поэтического слова, переплетение древнетюркских и современных поэтических традиций, порождающие интертекстуальные отсылки на предыдущие литературные сюжеты и тексты. Это явление в башкирской литературе особенно усиливается после 1905 года, в период, когда в обществе были широко распространены чувства безысходности, пессимизма, неопределенности и крушения надежд, возложенных на первую русскую революцию. Наряду с обращением к фольклору, поэты используют и религиозные мотивы суфийского толка о бренности жизни, усталости от мирской суеты, идеализации кладбищенского покоя, мотива «у могилы матери», в частности. Сходные мотивы (неуверенность во вчерашнем дне, пессимизм и нерешительность, кладбищенский мотив, мотивы о бренности жизни, мечты о скорой смерти) были характерны для творчества так называемых суриковцев – представителей московского литературного объединения русских писателей и поэтов, выходцев из села, вчерашних деревенских жителей, перебравшихся в городскую среду в поиске лучшей жизни и творческих возможностей (И. Суриков, Н. Некрасов, А. Кольцов, Т. Шевченко и т. д.).

В похожих жизненных условиях находились и представители башкирской словесности в начале XX в. И такие писатели как Г. Худояр, Я. Юмаев, Б. Мирзанов и другие, пребывая в условиях, как жизненного, так и духовного кризиса, обращаются к теме фатальности жизни. Переживая упадническое настроение после революции 1905 г., они прибегали к пессимистической мысли о смерти. В их стихотворениях слышится неудовлетворенность тяжелой и несправедливой жизнью, упрек в адрес матери, которая родила его таким несчастным, а сама умерла, бросив его на произвол судьбы еще маленьким и т. д. Они на интуитивном уровне сравнивали себя с героем древнего сказания о Йусуфе, книги и устные сказания о котором получили широкое распространение в народе. Поэты, конечно, хорошо были знакомы с поэмой Кул Гали, поэтому для выражения личных переживаний и общественных настроений обращались к известной теме. При этом необходимо отметить, что стихотворения упомянутых поэтов хоть и аллегорично отсылают к кладбищенским мотивам знаменитого средневекового произведения, но в идейно-эстетическом, тематическом отношении в них слышится проблема социально-политического характера. Противоречивость чувств и мыслей, разочарования поэтов и истинная причина их настроения художественно переданы через романтические переживания лирического героя. Одни при этом свои жалобы на тяжелую жизнь лишь доводят до матери, другие позволяют себе упрекать умершую мать в том, что она покинула его, обрекая на одиночество и т. д.

Так, в стихотворении Я. Юмаева «У могилы матери» лирический герой на могиле матери не жалуется на тяжелую долю, а лишь желает ей тишины и покоя. При этом, как бы желая услышать от нее слова поддержки, обращается к ней следующим образом:

“...Тик яныңда инрәп торған етем
улыңды күр!
Күр ҙә әйт: “Мин донъянан
киткәнмен, мең шөкөр”.
Әйт: “Был көндәр донъяла булһа
миңең торған сағым,
Кызғанып улымды мин илар инем
күргән һайын...” [20, с. 183]...

“...Взгляни лишь на страждущего сына
сироту!
Смотри и молви: “Покинула этот мир,
слава богу,”.
Скажи: “Если б эти дни были когда б
была ты жива,
Рыдала б каждый раз глядя на страдания
сына моего...”

В стихотворении Б. Мирзанова «У могилы матери» лирический герой больше жалуется матери на тяжелую и несправедливую жизнь, даже упрекает ее за то, что рано покинула его, и сетует на сиротскую долю (у башкир считается, если умерла мать, то дитя – сирота) и т. д.

“...Ник килтерҙең, әсәй, кара көнгә,
Был кәһәрле донъя йортонан?!
Әллә мәңге рәхәт күрмәһен тип,
Ташланыңмы дарья утына?
Үкһеҙ күрҙе тәкдир, какты баштан,
Етем калғас улың-бәбкәйең,
Бөтәйемме, бәхет көтәйемме?
Бер яуап бир, әйтсе, әсәйем ?..”
[20, с. 171]...

“...Зачем родила, мать, меня в этот
мрачный день,
В дом этой проклятой жизни?!
Или бросила меня в море огня,
Чтоб на вечно не видел я счастья?
Судьба с рожденья не взлюбила и била,
Оставшись сиротою сыночек-бәпкәй твой,
Умереть ли счастья ли ждать?
Ответь же разок, моя мать?..”

В отличие от мистической поэмы “Кисса-и Йусуф”, в данном случае вопрос, обращенный к матери, является риторическим. Герой, конечно, и не ждет от нее ответа, а лишь выражает всю свою боль и душевные переживания. Так он пытается найти ответ на поставленные временем вопросы, найти решение проблемы, возникшей в результате общественно-политических событий. Стихотворение заставляет читателей уверовать в реальность происходящего, на то, что эта реальность никого не пощадит и не простит.

Стихотворение другого поэта Г. Худоярова “На могиле” по своему содержанию немного отличается от рассмотренных выше произведений. Здесь лирический герой не жалуется на тяжелую судьбину, не упрекает умершую мать, а обращается к ней с теплыми словами, выражает свою тоску по ней, утверждает, что скорбит не только он, но и окружающая природа, потому что мир без матери не мил и мрачен.

“...Кәберенә барһам зыяратка
һизәмен шәфкәт елен,
Ипле, йомшак тейә биткә, гүйә
әсәйем һөйә.

“...Приду на кладбище на могилку твою,
чую милосердный ветерок,
Осторожно, мягко касается он, будто мать
ласкает меня.

...Кәберенә үскән үләндек өстөнә
жунған себен Донъяла шәфкәт
бөтөүҙән зарланып илай һиңә? ...”
[20, с. 171]...

...Муха, севшая на могильную траву
Скорбя рыдает по кончине в мире
милосердия...”

Таким образом, в творчестве ярких представителей башкирской литературы начала XX века (М. Гафури, Ф. Туйкина, Ш. Бабича, Ф. Сулейманова, Ш. Аминева-Тамъяни) присутствовало творческое освоение, литературная интерпретация фольклора. Этот литературно-культурологический процесс можно было бы обозначить и как освоение писателями «культурной памяти» башкирского народа. Результатом художественного освоения фольклорных традиций в творчестве этих поэтов стал диалог устной и письменной словесности. В этом отношении выделяются две формы творческого освоения фольклора в творчестве писателей.

Одни, подвергая литературной обработке эпический сюжет, создавали его письменную версию, или художественно осваивали традиции народного песенного творчества. Другие творчески использовали фольклорные жанры, традиции в своих идейно-эстетических целях. Например, М. Гафури, как бы продолжая традиции русских писателей, представителей инонационального этнографического направления русской литературы (Т. Беляев, П. Кудряшев, В. Даль), на основе башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу» написал сказание и издал его отдельной книгой. Другие, такие как Ф. Туйкин, Ш. Бабич, Ш. Аминев-Тамъяни обращались к народной устно-

поэтической традиции исполнения стихотворений под мелодию определенной песни, прибегали к жанру кубаир (семисложное поэтическое эпическое произведение), органично использовали в художественно-эстетических целях пословицы, поговорки, сюжеты сказок, эпоса и т. д. Своеобразно творчество Ф. Сулейманова, художественно привнесшего в свои произведения обрядовый фольклор.

Под диалогом культур следует понимать не только взаимосвязь, взаимообмен между культурами различных стран и народов, между “своим” и “чужим”, но и между художественными традициями древней и новейшей литературы. Потому что «...тексты прошлого генерируют новые тексты. Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть её текстообразующего механизма» [21, с. 39–40]. Башкирские писатели начала XX века внесли значительный вклад в освоение духовной памяти, культурных кодов своего народа, актуализировав в своих произведениях фольклорную пласт этнического литературного творчества и сюжеты, мотивы, образы литературных памятников старотюркской письменности. Видоизменившись в новом прочтении, в иной сюжетной канве, они, таким образом, сохраняются в культурной памяти этноса.

Список литературы

1. Культурология : учебник / Л. Н. Мартюшов (гл. ред.). – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2009. – 219 с. : ил.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. ст. / сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина. – Москва . 1979. – 445 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
3. История башкирской литературы: с древнейших времён до начала XX века / Г. Б. Хусаинов (ответ. ред.), Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Китап, 2012– . – Т. 1 : С древнейших времён до начала XX века / редкол. Тома : Г. Б. Хусаинов (отв. ред.), Р. М. Булгаков, М. Х. Надергулов. – 2012. – 558 с.
4. Бикбаев, Р. Т. Шайхзада Бабич: Жизнь и творчество [башк. поэта]. – Уфа : Китап, 1995. – 304 с.
5. История башкирского народа = Башкорт халкының тарихы: [в 7-ми т.] / редкол.: А. З. Асфандияров, Ю. М. Абсалямова, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. – Москва : Наука, 2009–2012. – Т. 4 / [редкол.: А. З. Асфандияров и др.]. – 2011. – 398 с. : ил., цв. ил., табл.
6. Кунафин, Г. С. И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX– нач. XX в. – Уфа : Китап, 1999. – 256 с.
7. Бикбаев, Р. Т. Эволюция современной башкирской поэзии. – Москва : Наука, 1991. – 141 с.
8. Гафури, М. Произведения : [в 4-х т.] / сост., ком. Г. Рамазанов, М. Хамидуллина. – Уфа : Башкнигоиздат, 1978. – Т. 2. – 416 с.
9. История татарской литературы : [в 6 т.] / Ш. Ш. Абилов (гл. ред.), редкол. : Н. Ш. Хисамов, Х. Ю. Миннегулов. – Уфа : Таткнигоиздат, 1984–2001. – Т. 1. – 1984. – 567 с.
10. Геюшов, Н. Д. Мистические элементы в фольклорных и письменных традициях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность труды междунар. конф. (Казань, 9–13 июня 1992 г.). – Казань : Инсан, 1992. – Т. 2. – С. 133–135.
11. Имамудинова, З. А. Профессиональное и непрофессиональное в устных музыкальных традициях мусульман Урало-Поволжья // Народное творчество стран Востока: структура, художественные особенности, дефиниции. – Москва : URSS, 2007. – С. 85–105.
12. Тимофеев, Л. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. Тимофеев, Н. Венгеров. – Москва : Учпедгиз, 1955. – 179 с.
13. Туйкин, Ф. Сыны Отечества / сост., авт. вст. сл., текстол. иссл., ком. М. Х. Надергулов. – Уфа : Китап, 1997. – 200 с. (на баш. яз.).
14. Сулейманов, Ф. В башкирское «На кочевье башкир» / сост., авт. вст. ст. М. Х. Надергулов. – Уфа : Башкнигоиздат, 1996. – 78 с. – (Литературное наследие).
15. Башкирское народное творчество : [в 12 тт.] / сост., введен. и коммент. А. М. Сулейманова, Р. А. Султангареевой. – Уфа : Китап, 1995. – Т. 12 : Обрядовый фольклор. – 445 с.
16. Сулейманов, А. М. Три чуда. – Уфа : Китап, 2009. – 296 с. (на баш. яз.).
17. Хисамов, Н. Ш. Поэма «Кисса-и Йусуф» Кул 'Али. – Москва : Наука, 1979. – 254 с.
18. Гали Кул. Сказание о Йусуфе / пер. с тюркск. С. Иванова. – Казань : Таткнигоиздат, 1985. – 232 с.
19. Хуббитдинова, Н. А. Отражение мотива “Әсә кәбере янында” в башкирской поэзии // Язык и литература в политкультурном пространстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Бирск [Респ. Башкортостан], 2–3 декабря 2011 г.). – Вып. 7. – Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. – С. 138–142.
20. Башкирская литература начала XX в. : [антология в 3-х кн.] / Сост. В. Ахмадиев, И. Буляков, Г. Хусанов. – Уфа : Баш. кн. издат-во, 1983. – Кн. 1 : Поэзия / [Сост. В. Ахмадиев [и др.]; вступ. ст. В. Ахмадиева]. – 399 с.
21. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : [кол. моногр.] / Н. А. Кочеляева (отв. ред.). – Москва : Совпадение, 2015. – С. 16–29.

**REPRESENTATION OF FOLKLORE AS “CULTURAL MEMORY”
IN BASHKIR LITERATURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY
IN INTER-GENERATIONAL “DIALOGUE OF CULTURES”¹**

*The reported study was funded by Russian Fund of Basic Research
according to the research project No. 19-412-020008 “Bashkir Archaic Epos: Artistic and Stylistic Aspect
(Eposes ‘Ural-Batyr’, ‘Ak buzat’, ‘Zayaytulyak’, ‘Khyukhylyu’)”*

Abstract. The article analyses peculiarities of Bashkir fiction of the first quarter of the 20th century that took an influence of ethnic Bashkir and Turkic folklore. The review of factors that determined a growth of Bashkir writers’ attention to persons, plot constructions, and images from lyric and epic Bashkir people’s poetry and prose (tales, legends, quatrains, songs, etc.) in revolutionary Russia is given. The author describes a phenomenon of “dialogue between mono-ethnic generations” that are led by different ideals, deal with dissimilar cultural senses. Also, the author notes: Bashkir writers who well know folklore of native writing were becoming bearers of ethnic spiritual heritage and were getting mastery of ‘*sesens*’ – Bashkir singer-improviser; works created by them were memorized by descendants, and turned into an oral form of existence.

Key words: *Bashkirs, Bashkir folklore, Bashkir literature, folklore in Bashkir literature, ethnic literature in revolutionary Russia, cultural memory of a people, intertextuality, kubair, nationhood of ethnic literature, dialogue between generations, dialogue between cultures, folklore in literature.*

¹ The end of the article. Beginning of the article: “Proceedings of the Altai State Academy of Culture and Arts”. 2019. No. 3. Title: *Representation of Folklore as “Cultural Memory” in Bashkir Literature of the Beginning in the 20th Century in Inter-Generational “Dialogue of Cultures”*.